

16.297к 7

Va 19012

КОНСТАНТИН ФИНН

Женщины города Иваново

-- 2010

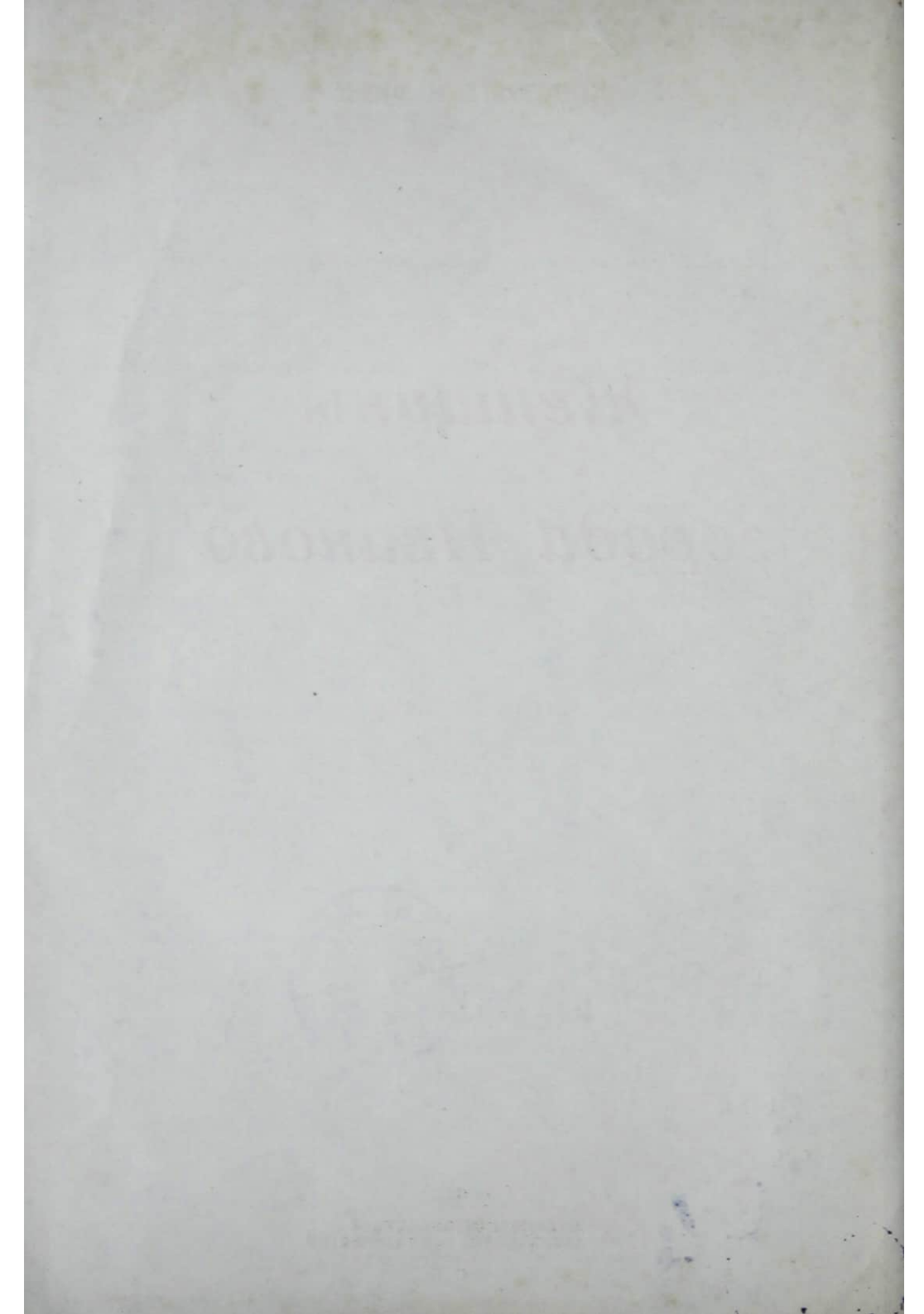
148

54

ОГНЗ

ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1942

Она сидела на скамейке сквера, разбитого в центре Иванова. Глаза ее были закрыты, но было видно, что она не спит. На вид ей лет около тридцати, худенькая женщина, со светлыми, пышными волосами, выбивающимися из-под платка. Я сел на скамейку. Женщина открыла глаза, поглядела на меня и сказала тихо:

— Уже поздно.

16.29/12
Это не было ни вопросом, ни утверждением. Это была одна из тех фраз, которые произносятся для того, чтобы можно было услышать звук собственного голоса. Фраза могла быть любой.

— Часов около семи, — сказал я.

— А вы, видать, не ивановский, я по разговору слышу.

Потом совсем тихо сказала, так тихо, что мне показалось, будто бы я слышу, как чередуются с ее словами удары ее сердца.

— Я вчера известие получила. Мужа моего убили на фронте. Вечером пришло письмо. Я только с работы явилась...

Она прожила с мужем двенадцать лет, душа в душу. Детей у них не было.

— Так он мне и как муж и как сын. Как-то я его любила особенной любовью. Если бы вы знали, какой он.

Она не могла произнести слова „был“. Так, избегая этого слова, страшась его и, вместе с тем, страшась также говорить о муже, как о живом, смятенно, рваными фразами, похожими на выкрики, но без единой слезы, она рассказала о том, как, получив письмо, потеряла сознание, а когда пришла в себя, бросилась бежать из дому. Куда? Она не знала. Она шла по темным улицам Иванова, по городу, где родилась, где знала каждый камень, каждый дом. Было темно, но она нашла все те места, где раньше бывала с мужем, вспоминала о том, что говорил он ей вот тут, на углу Социалистической улицы, или вот тут, на скамейке сквера у городского театра. И на мгновение ей казалось, что ничего не случилось, что вовсе не было никакой войны, что ее Вася жив, что он с ней. А потом снова приходило горе.

— А сегодня я вышла на работу. Я на толстом банкаброше работаю. Боялась, что не выйду, сил нехватит. Поборола себя. Сама себя уговорила: „Иди на работу, Маруся. Для него иди, для него, для Васи. Он одобрит“. Я работала сегодня и чувствовала, что он, мой родной, стоит около меня. А подружки смотрят на меня, так виду не показывают, а за спиной моей тихонько плачут. И вот иду я сейчас с работы. И представьте себе, боюсь, как бы не пройти мне теми местами, где мы с Васей ходили.

Она забыла о том, что прошлой ночью искала те места, где гуляла с Васей. Сегодня она боялась их...

В сентябре прошлого года я побывал в одной из частей, действующих на Западном фронте. Командир сказал мне:

— Тут у нас большинство ивановцев. Эти, будьте спокойны,—бойцы. Эти не отходят, нет. Умереть, погибнуть они могут, отступить нет.

Я рассказал об этом моем разговоре женщине, сидевшей рядом со мной на скамейке.

— Верно,—сказала она,—у нас народ очень упорный. И так издавна. Мой отец мне рассказывал про стачку пятого года. Он работал у фабриканта Грязнова шлихтовальщиком. С голоду наши ивановцы помирали, а своего у фабриканта добились. Мы упорный народ. Вот мы иногда соберемся, женщины, у которых мужья на фронте, и говорим про себя, что в одном отношении мы спокойные. Может известие придет, как мне пришло, что мужа убили, но вот, чтобы позор какой пришел о муже, дурная слава, этого быть не может.

Она встала со скамейки, поправила сбившийся платочек и протянула мне руку:

— И мы ничего в этом отношении, мы, ивановские женщины, сказать не можем. Мы счастливы в этом отношении, в смысле наших мужей. Я только вот об одном мечтаю. Вот я женщина, а я бы этих фрицев резала, жизнью клянусь, беспощадно бы я их резала. И малого и большого, любого. И не только потому, что они Васю моего убили, нет, а вот за то, что они на нашу жизнь наступили. Проклятые.

О словах ее — „мы, ивановцы, упорные“, я вспомнил, познакомившись с Аней Комаровой.

• Ане 19 лет. Она работает ватерщицей на меланжевом комбинате. Даже выдавшие виды ивановские мастера удивляются ей. А помощник мастера, у которого Аня в подчинении, просто сказал:

— Вот что, Аня, пойдешь на ту машину, на которой никто не выполнял план. Я за тебя спокоен.

Есть такая машина. Для работы на ней помимо ловкости, сноровки, умения требуется еще железное упорство, твердый характер. Девятнадцатилетняя Аня Комарова стала за эту машину и перевыполняет план.

Я пытаюсь у нее узнать, как она это делает. Аня не может ответить. Стесняется или не умеет объяснить. Мне объясняют другие, ее подруги.

— Чувство ответственности,—говорят они.

— Как это понять?

— Она знает, что, если отстанет, подведет бригаду.

Аня вмешивается в разговор:

— Играет роль уход за машиной,—я ведь за ней, как за ребенком, ухаживаю. Я же за ней слежу. Я ей баловать не дам, если она что справедливо требует, я должна ей обеспечить.

Она говорит о машине, как о живом существе. Глаза у Ани блестящие. Наверное, она разговаривает со своей машиной. Может быть даже советуется с ней, покрикивает на нее.

— Аня иногда даже не обедает,—говорят ее подруги,—если горячий день выпадет. Не хочет останавливать машину. У ней ведь такая машина тяжелая, ну, одним словом, время уходит на пуск, покамест ее наладишь. Так вот, Аня так и говорит: „Если поммастера придет меня сменить, пойду обедать, а нет, и так обойдусь“.

Аня смущена, она опускает глаза.

— Тут в чем дело,—говорит она,—дело в том..., ну так, скажем, ведь на фронте еще труднее, разве у них, у бойцов, когда они в бою, обеды соблюдаются во-время. Вот уж не думаю.

Меланжевый комбинат построен за время сталинских пятилеток. Он огромен и красив. Большие корпуса. Много зелени. Образцовая чистота, дорожки во дворе, любовно выполненные плакаты, маленькие выставки. А в цехах жужжание веретен, голубиный лет хлопка. И мало, совсем мало гуляющих веретен.

О гуляющем веретене мне рассказывает Екатерина Михайловна Корчагина. Ей лет под сорок. У нее седые волосы и молодые блестящие глаза.

— Веретено не должно гулять. Это значит, что оно не работает, это значит, что я не заметила, а веретено пустое, без толку вертится. Значит, моя вина.

Корчагина работает очень хорошо. Муж ее, Алексей Анянович, на фронте, связист, недавно его наградили медалью „За боевые заслуги“.

— Он пошел добровольцем, — говорит Корчагина, — его оставляли на фабрике, он ни в какую. Ушел. Уж очень он был возмущен немецкой подлостью. Трое ребят у меня, трудно с ними. Но стараюсь, чтобы трудность эта на работу мою не повлияла. Ведь ему, Алексею моему, на фронте еще труднее достается. Он там на фронте бьется, а я здесь.

Я видел ее в цеху, за работой на тонком ватере. Она обслуживает 720 веретен, следит за ними, затаив дыхание. Веретена жужжат, Корчагина слышит голос каждого из них. Вот обрыв. Корчагина подходит, присучивает нить. У Екатерины Михайловны замечательно ловкие, я бы сказал, умные пальцы. За ними почти что невозможно уследить, как за пальцами пианиста. Вот она ликвидировала обрыв, и опять вся внимание, опять напряженно следит за веретенами. Снова обрыв. Корчагина подходит к веретену, и опять живут самостоятельной жизнью ее пальцы, а Корчагина в этот момент думает о чем-то своем. Вспоминается ее фраза: „воюем вместе с мужем“. Может быть сейчас, когда она тут следит за веретенами, он тянет провод под пулями и снарядами врага. Да, Корчагины плечом к плечу бьются за родину.

Аня Зологина воюет с Гитлером в шлихтовальном цеху. Здесь никогда не работали женщины — это тяжелый физический труд. Аня Зологина попросилась. Вначале ее не пускали, говорили, что не справится, будет болеть. Аня была непреклонна. У нее очень живой характер. Веселье, жизнерадостность просто распирают ее. Аня все воспринимает с улыбкой, со смехом.

— Несколько дней назад ездили мы на огороды, — говорит про нее ее подруга, — так Аня всю дорогу смеялась, пела песни. А потом — все ей мало. Так стала плясать, чуть грузовик не перевернула.

У Ани умные глаза, чуть с хитрецей.

— Ну как, вам не трудно все-таки работать в шлихтовальном цеху?

— Нет.

— От жары не страдаете?

— Нет.

Ее веселое личико делается серьезным.

— Я хотела доказать, — говорит она, — что наша советская девушка все может во время войны.

— А не во время войны?

Она лукаво улыбается.

— Ну, а когда война кончится и наши мужчины придут домой, там мы посмотрим.

Примеру Ани Зологиной последовали другие девушки. Им тоже очень хотелось доказать, что наши девушки — веселые, хорошие, нежные — все могут сделать во время войны для победы. И теперь в шихтовальном цеху работает много женщин...

Одна женщина как-то сказала мне:

— У нас, в Иванове, раньше очень весело было и красиво. Много фабрик. Окна большие. Электричество. Все светилось. Идете по городу, — в каком бы ни были настроении, а все равно вам хорошо.

Потом добавила грустно:

— По городу вечером гулянье какое было. Парни, девушки. Мужья с женами. Вообще весело. А теперь, где муж, где жена, все разъединились.

Война разъединила многие семьи. Но в нашей стране она и создала многие семьи.

Дело было так. Дарья Ивановна Кромарова, пожилая женщина, не ходила вместе с девушками в лазарет помогать медицинскому персоналу ухаживать за ранеными бойцами. Ей казалось, что она будет только мешать. Однажды девушки пришли из лазарета и рассказали Дарье Ивановне, что в одной из палат лежит молодой боец, который ни с кем разговаривать не хочет. Лежит, повернувшись к стенке, и молчит по целым дням. В этот день Дарья Ивановна получила в лавочке сыр. Она не стала его есть, завернула в белую бумагу и попросила девушек передать пакетик неразговорчивому бойцу. Девушки выполнили ее просьбу.

— Ну, что, — спросила Дарья Ивановна девушек. — Сказал он что-нибудь?

— Поблагодарил. Повернулся опять к стенке и ни слова.

На другой день Дарья Ивановна послала неразговорчивому бойцу печенье.

— А когда мне девушки наши сказали, что он опять так же, как вчера, поблагодарил и замолчал, решила я итти сама к нему. Девчонки молодые, разве они могут понять, что с человеком иногда происходит.

Дарья Ивановна пришла в лазарет, подошла к койке.

— Здравствуй, сынок, — сказала она.

Он обернулся. Поглядел. Долго и внимательно глядел на нее, так долго, что она смутилась. Наконец, сказал тихо:

— У меня нет никого на свете. Вы такими словами, как „сынок“, не бросайтесь. Это чересчур тяжело для одинокого человека.

Она села на табуретку рядом и погладила его по голове.

Он сказал ей:

— Я хотел бы в вашем лице иметь маму. Меня зовут Алексей Тимофеевич, фамилия моя Проклов.

У Дарьи Ивановны не было никого на свете. Муж ее погиб в гражданскую войну, дети умерли рано. Проклов понравился ей. У него были нежные, грустные глаза. Лицо его показалось ей честным, открытым. И на следующий день, придя к нему в палату, она твердо сказала:

— Здравствуй, сынок!

Он поглядел на нее и ответил:

— Здравствуй, мать!

С этого момента она все свободное время проводила у койки Проклова. Она видела, как он выздоравливает, и радостью наполнялось ее сердце. В те дни, когда ему бывало хуже, она тосковала.

Через некоторое время Проклова перевели в другой город. Она проводила его как сына. Он попрощался с ней как с матерью, а через некоторое время прислал ей письмо.

„Меня выпускают из госпиталя, — писал боец, — товарищ мой по палате советует ехать вместе с ним в город Алма-Ата. Скажите мне, когда вы называли меня сыном, что это было, порыв с вашей стороны, энтузиазм или правда?“

Дарья Ивановна ответила ему: „Приезжай, жду. Твоя мать“.

Когда Дарья Ивановна рассказывает про сына, глаза ее становятся очень добрыми:

— Живем вместе. Он мне как сын. Да почему „как“ — просто сын, а я ему мать. И горжусь я им, потому что он с немцем бился. Честно и храбро, и здоровье свое в этой борьбе потерял. Вот, видите, сколько лет была я одинокой, а теперь семья у меня.

Это сказала мне Дарья Ивановна Кромарова, потомственная ивановская ткачиха.

С Дусей Лебедевой я встретился на фабрике „Красная Талка“. Ей двадцать семь лет. Она небольшого роста, блондинка, кокетливая. Дуся — помощник мастера, ватерщица, она руководит бригадой, и бригада эта называется „фронтной“.

Вот что это означает.

Дуся Лебедева в числе других работниц ездила на фронт, отвозила подарки бойцам и командирам. Ей пришлось побывать на одной из батарей.

— Очень хорошенькие там и молоденькие ребята. Проворные. А как действуют замечательно. Когда я там была, они немецкую кухню полевую разбили, а с ней вместе двенадцать

фрицев. „Пожалуйста, — говорят мне, — Дуся, вот вам и большой подарочек в честь вашего приезда“. — А что меня поразило, так это чистота. Орудия у них прямо-таки языком вылизаны. Вообще большая аккуратность чувствуется на батарее.

И тогда же Дусе пришла мысль в голову о том, что стоит поближе связаться с артиллеристами, связать с ними свою бригаду девушек узами подлинной сердечной дружбы. Но Дуся тогда постеснялась сказать это артиллеристам. Только приехав в Иваново, посоветовавшись со своими девушками, она решила и написала письмо бойцам батареи, которым предлагала соревноваться: „Вы бейте фрицев, а мы будем выполнять план“.

С батареей пришел ответ. От имени бойцов писал девушкам „Красной Талки“ старший политрук Петров: „Сообщаю вам некоторые цифры и факты нашей работы за последнее время. В ответ на ваши подарки нами уничтожены: 1. Три дзота прямыми попаданиями. 2. Разбит сарай, в нем 300 немцев было. 3. На аэродроме подбито два самолета. 4. Подбито одно тяжелое орудие. Разбита батарея легких орудий. 5. Взорван погреб со снарядами. 6. Уничтожено до батальона пехоты и до двухсот человек кавалерии. 7. Подавлено и уничтожено две тяжелых и две легких батареи. Вот частичная, далеко не полная картина нашей работы“.

Деловой тон старшего политрука Петрова пленил девушек из бригады Лебедевой. Да, война это работа, тяжелая, кровавая, грязная работа. Из чистенького орудия способнее убивать грязных фрицев. Уход за орудием — тоже работа. И чистота, которая поразила Дусю на батарее, — результат большого труда.

Девушки ответили. И с тех пор возникла в бригаде Лебедевой фраза „наша батарея“. Если кто-нибудь в бригаде оставал, ему грозились написать об этом на „нашу батарею“; если кто-нибудь особенно успешно работал, его поздравляли от имени „нашей батареи“. Девушки ясно представляли себе этих молодцов-артиллеристов, составляющих „нашу батарею“. Чувство волнения и тоски охватывало сердца девушек, когда запаздывал ответ от артиллеристов. Не случилось ли чего? Но вот приходило письмо, и снова радость, снова смех, снова горячее обсуждение каждой фразы.

Однажды девушкам написал новый военком батареи тов. Мальцев. Вот конец его письма: „Да, еще одна просьба (по секрету). У меня есть бойцы, довольно хорошие ребята, не имеющие переписки с домом, по причине, сами представляете какой. Они довольно тоскуют, особенно, когда приходит поч-

та, а письма им нет. Это, действительно, тяжело. Прошу вас, Дуся, продумать это и прислать мне хотя бы три—четыре адреса ваших девушек. Это даст мне возможность дать моим бойцам эти адреса и избавить бойцов от томительного ожидания. Прошу не посчитать это за грубость, а принять как просьбу для общего дела. А там уж бойцы сами предпримут направление этой переписки“.

Дуся послала адреса. Завязалась переписка. И сейчас, когда приходит почта на „нашу батарею“, письма получают не только те, кто имеет близких людей, а и те, чьи родные дома и села разрушены проклятым врагом.

Наверно, и бойцы „нашей батареи“ в часы досуга говорят про девушек из далекого Иванова и называют их „наши девушки“...

„Красная Звезда“
от 24 сентября 1942 г.

Наблюдение за изданием—*М. Х. Кочнев.*

Подписано к печати 6. X. 1942 г. КЕ—24572. Тираж 10000 экз.

Печ. л. $\frac{3}{4}$. Уч.- изд. л. 0,45. В печ. л. 40128 зн.

Цена 15 коп.

И. Г. Гурьев - М. К. Ковалев

И. Г. Гурьев - М. К. Ковалев

И. Г. Гурьев - М. К. Ковалев

[Text is illegible]

И. Г. Гурьев - М. К. Ковалев

